

А. С. Г Р И Б О Е Д О В

ЕГО ЖИЗНЬ и ГИБЕЛЬ

В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННИКОВ

Редакция и примечания Зин. ДАВЫДОВА

Издательство «КРАСНАЯ ГАЗЕТА». Ленинград. 1929

УБИЙСТВО РУССКОГО ПОСЛАНИКА

Катастрофа эта не должна быть приписываема причинам политическим. Лица различных партий и различных исповеданий, коих я расспрашивал, все единогласно сходились на одном весьма важном обстоятельстве, именно, что мой несчастный друг, покойный Грибоедов, в отношении к шаху принял надменный тон, доходивший до безрассудства. Фетх-Али-шах после каждой аудиенции, которую он ему давал, уходил столь рассерженным, что весьма легко было предвидеть какое-либо несчастье. Часто при своих придворных случалось ему вскрикивать:

— Кто меня избавит от этой собаки-христианина!

Мирза-Абул-Гасан-хан, министр иностранных дел, главный деятель при всяком случае, когда что-либо касалось европейцев, ибо при дворе шаха не было никого, знавшего наши обычаи, — один говорил о нас с некоторою опытностью, как человек бывавший несколько раз посланником в С.-Петербурге, Вене, Париже и Лондоне. Итак, Абул-Гасан-хан однажды вечером у Эмин-ед-Довлета, в присутствии большого общества, где разговаривали о дневных происшествиях и толковали об удобнейших средствах для избавления шаха от столь докучливого гостя, предложил образовать род возмущения:

— Мы заставим народ сильно кричать, — говорил он, — и после этого напишем в Петербург: вы прислали нам человека, который не умеет себя вести у нас, — смотрите, чего он придерживается; как бы не случилось великого несчастья. Отзовите его, если желаете сохранить доброе

согласие между двумя странами. Поверьте мне, — прибавил он, — я знаю Европу и особенно Россию: он будет отозван.

Совет, предложенный Абул-Гасан-ханом не имел немедленных последствий, но идея была дана, и многочисленная прислуга, всегда присутствующая на всех собраниях персидской знати, все слышала.

Наступает дело двух женщин, выдачи коих требовал русский посланник как наших подданных и военнопленниц, хотя они приняли исламизм и находились в гареме Асиф-ед-Довлета ¹⁵³. Это был слишком большой удар, нанесенный магометанскому фанатизму и уважению к могущественной личности. Несмотря на это, он добился чего требовал. Но и тут еще Грибоедов сделал большую неосторожность, заставив этих женщин перевезти к себе в дом, где, кроме мужчин, никого не было. Следовало бы их поместить до отправления в Грузию в какой-нибудь армянский и еще лучше в мусульманский дом, и, во всяком случае, в ином месте, но не у себя. Это произвело огромный скандал, и надо сознаться, что везде в другой стране было бы то же самое, ибо благонравие не допускает, чтобы молодые женщины жили под одной и той же кровлею с кучею молодежи. В Тегеране же вмешалась еще религия и совершенно справедливая дурная репутация христиан, составлявших прислугу посланника.

Волнение было сильное между населением, и во всем городе только и толковали о позоре видеть женщин мусульманок, перешедших в руки гнусных русских. Грибоедов, повидимому, не знал, что происходило, ослепленный судьбою или избытком гордости. При этом положении дел он дал еще приют одному шахскому евноху, который, пользуясь своим происхождением из Эривани, бежал из шахского гарема и просил возвращения на родину.

Когда кто знает святость гарема, род благоговения, с которым окружают его персияне, стыдливость, с которою они выражаются говоря об этом месте, тому легко

понять, как Фетх-Али-шах сильно был оскорблен в сане неограниченного монарха и ревнивого мужа. Но, спросят, может быть, — мог ли министр русский нарушить свой долг, отказывая в убежище подданному своего государя. Разумеется, нет, ежели бы человек этот пришел внезапно, желая самопроизвольно стать под его покровительство; но тут, ведь, были предварительные интриги, переговоры между евнухом и армянами, окружавшими посланника. Грибоедов имел время сообразить, какое унижение он готовил шаху, ободряя предприятия этого человека. Русский посланник должен был также знать, что так как в продолжение двух лет Персия и ее монарх перенесли много испытаний вследствие побед наших и мирных трактатов, нами на них наложенных, то государству-победителю более славы уступать побежденному в его мелочных, самолюбивых интересах. Он должен был бы предложить евнуху Мирзе-Якубу отложить на некоторое время свое предположение побега, тем более, что неизвестно, имел ли он право считаться в числе русских подданных, ибо был взят на службу к шаху и принял мусульманскую религию в отдаленную эпоху, когда Эривань принадлежала Персии. Как бы то ни было, Фетх-Али-шах еще не дал разгуляться своему гневу, он старался договориться и искал под различными предлогами выдачи беглого. Грибоедов стоял на своем, за что его можно похвалить, ибо еще раз решившись принять его к себе, он не мог без стыда возвратить его обратно персиянам.

Почти открытое неприязненное положение между русским министром и двором; партия духовенства, которую раздражал до крайности увоз двух женщин; партия Асифа, которая по той же причине искала только случай мщения; наконец челядь придворная, которая старалась угодить ненависти шаха; эта прислуга вельмож, которая вспомнила совет Мирзы - Абул - Гасан - хана, — все это вместе поднялось вдруг, побуждением ли двора или Асиф-ед-Довлета или муштаида, все равно, но толчок был дан,

и толпа понеслась и окружила дом, занимаемый русской императорскою миссией.

Сначала были только крики и повторение требования о выдаче евнуха и двух женщин. Я глубоко убежден, что если бы покойный Грибоедов имел достаточно терпения и хладнокровия, чтобы оставить шуму увеличиваться и разноситься в воздухе; если бы он удержал всех своих дома, не позволяя им показываться ни вне, ни у окон, — я, как сказал, глубоко убежден, что эта толпа разошлась бы к вечеру сама по себе, не осмелившись нарушить неприкосновенность посольского дома, если бы даже эта толпа не была разогнана войсками, которых бы, наконец, прислал шах. Я в этом убежден, зная хорошо характер персиян по совершенно схожим случаям, кои я видел, даже по совершенно подобному случаю, происшедшему в нашем посольстве в Тавризе лет 20 назад. Но предопределение как бы подтолкнуло Грибоедова: он велел казакам стрелять по народу, была пролита кровь, одного жителя убили. Его тело понесли в мечеть. Муштаид с высоты кафедры приказал народу итти отомстить кровь кровью же. Известен последовавший результат.

Наши, подавленные многочисленностью, после героической обороны, пали, заставив заплатить дорого за свою жизнь. Сарбазы (регулярная пехота), посланные из Орека Зели-султаном разогнать сборища, прибыли, когда уже все было кончено. Это замедление, которое хотели объяснить соучастием двора, объясняется гораздо проще, именно тем, о чем мы только что говорили. Когда шах узнал о движении, он не желал его остановить, ибо думал проучить посланника. Зная свой народ, он никогда не думал о могущей случиться катастрофе. Он не мог предвидеть, что посланник будет столь неосторожен, что решится атаковать целое народонаселение своими казаками. Смущение Фетх-Али-шаха и его двора было великое после происшествия. Шах собрал совет из своих министров и великих сановников, и мне известно, от оче-

вида-свидетеля, что в первые минуты собрание представляло вид весьма печальный. Монарх и каждый из предстоявших чувствовали себя обремененными ответственностью, которая повисла над ними; они полагали, что Россия воспользуется этим случаем для блистательного мщения, где они первые будут жертвою. Наконец, Фетх-Али-шах начал речь и после восклицаний: «Ио-Аллах! Ио-Али!»¹⁵⁴, он сказал:

— Что сделано, того переделать нельзя. Богу это было угодно. Теперь нам остается только готовиться к войне — и готовиться победить или умереть. Чтобы весь мой народ поднялся, я сам стану во главе его, возьму с собой мои сокровища и все, что я имею. Господь будет нашим судьей.

Потом он приказал похоронить тела, поручив исполнение этого армянам, повелев положить отдельно тело министра, как будто он предвидел, что его вытребуют.

Старик армянин, который распоряжался тогда похоронами, говорил мне, что им похоронены сорок тел. Персияне никогда не хотели сознаться, сколько народу они потеряли. Из наших, между прочим, находился князь Мелников из Тифлиса, который не принадлежал к посольству. Он был племянник Манучар-хана, который послал его для предупреждения Грибоедова о готовящемся волнении. Несчастный не успел вернуться к своему дяде. Один католический священник из испаганской миссии, находившийся тогда в Тегеране, говорил мне, что один мусульманин, живший по соседству с домом нашего министра, также предупредил его, предлагая даже убежище у себя, но, по словам священника, услужливый предвестник был из посольского дома позорно выгнан. Непонятная судьба!
